

ИНТЕГРАТИВНАЯ РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИКИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Анализируется достигнутый криминалистикой научный потенциал и возможности интегративной роли в российском уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: криминалистика; механизм преступления; следы преступления.

Во второй половине XX в. наука была признана производительной силой. Из этой оценки следует, что основной целью и условием существования науки, ее глубинным смыслом и фундаментальным признаком является выработка научных знаний. Востребованные обществом и практикой они являются показателем необходимости и успешности развития самой науки. Цель, сущность науки, ее реальность и ценность – в самом знании. Знание – есть старт и финиш науки, предпосылка, определяющая весь последующий ход развития любой науки, в том числе и криминалистики. Не сама по себе предметная область науки определяет ее социальную и правовую ценность, а знание закономерностей действительности, вскрывающих глубинную сущность познаваемого, механизмы возникновения и движения, существования и применения познанных. Осмысление достигнутых криминалистикой рубежей, оценка ее места и роли в уголовном судопроизводстве представляют оправданную научно-познавательную задачу.

Криминалистика есть наука о сущности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, предпосылках и условиях адекватной деятельности. В целях прогрессирующего эволюционного развития, криминалистика жизнеутверждается как научно-рациональная форма: она обособливает различные идейные ареалы, замыкает на себя, обозначает, обосновывает, подытоживает, синтезирует достижения естественных, технических и социальных наук, практики (следственной, экспертной, судебной) расследования преступлений, осуществляет научно-понятийную обработку познаваемого. Разнонаправленность и многомерность познаваемого проистекает из опыта расследования преступлений, из сложившегося понимания предназначенности криминалистики в уголовном судопроизводстве. Научный статус криминалистики определяется выполнением традиционных для любой науки функций – функции объяснения и функции применения, ее теоретико-практической сущностью.

Теоретический аспект криминалистики – осмысление познавательной, социальной и природной реальности преступления, процесса его совершения и расследования; определение научно-познавательной и практической методологии; оценка достигнутых рубежей и установление научно-познавательных горизонтов, отражающих преодоление, приумножение и преобразование знаний о преступлении и о расследовании преступлений. В этом рационально-теоретическом плане складывается криминалистически значимая объективно-содержательная картина о преступлении и процессе его расследования: допущения и условности, принципы и пути познания, нормативно-ценностные основоположения деятельности, векторы индивидуального и коллективного творчества; зарождаются, формируются и развиваются идеи и идеалы, текущие предпочтения и

стратегические приоритеты; осуществляются целеполагание и целесообразность; осмысливается феномен преступления и его место в расследовании преступлений, в системе уголовно-правовых наук. Данные квалифицирующие признаки составляют теоретико-методологическую базу криминалистики, совершенствование и развитие которой подчеркивает глубинный смысл и предназначенность криминалистики, отражают ее самобытность, нацеленность на стабилизацию и развитие данного состояния.

Практический аспект криминалистики – создание деятельностной программы по расследованию преступлений; формирование у следователя адекватной социально-правовым особенностям времени, уровню достигнутого криминалистикой знания профессиональной культуры отношений, практически действенного стиля мышления, нацеливающих на творческую самореализацию и самосовершенствование.

Данное толкование криминалистики, разумеется, не исчерпывает особенностей, квалифицирующих ее научный статус. В частности, оно до настоящего времени не дает убедительной демаркации от формального и материального права, активно исследующих проблематику, обусловленную совершением преступления и его расследованием, оценки глубины научно-познавательного потенциала криминалистики. Прежде всего, оно требует уточнения исходного научно-познавательного начала, логики расставляемых криминалистикой научно-познавательных акцентов, существующих и формирующихся научно-познавательных тенденций, в целях оценки действительной роли криминалистики в системе уголовно-правовых наук, в системе уголовного судопроизводства.

Не вступая в развернутую дискуссию о гносеологических корнях криминалистики, отметим, что криминалистика задумывалась Г. Гроссом как наука о «реальностях уголовного права». Основоположник криминалистики придавал особое значение познанию сущности преступного деяния, его началу, целям и составным частям, дальнейшему течению, способу совершения преступления, а также знанию человека (преступника, свидетеля, эксперта, судьи) [1. С. VII, IX]. Согласно замыслу Г. Гросса, преступление есть исходное начало становления и развития криминалистики как науки. Г. Гросс, не оставляя без внимания собственно преступление, придавал особое значение материальным следам преступления, этим «немым, неподкупным свидетелям». В трудах первых отечественных криминалистов этот акцент был многократно усилен. В конечном итоге, предпочтение было отдано материальным следам преступления – вещественным доказательством. Так, криминалисты, недооценив научно-познавательное значение для развития криминалистики необходимости познания преступления, перешли с *общего*, логико-гносеологического уровня познания, на уровень

познания в криминалистике *особенного* – следов преступления.

С переходом криминалистики в 1917 г. в новую социально-историческую эпоху научно-познавательные приоритеты поменялись. Предпочтение было отдано «процессу расследования преступлений». Лишь на первый взгляд это смещение научно-познавательного акцента может показаться несущественным. В реальности это повлекло за собой окончательное вытеснение из предметной области криминалистики познание такого феномена, как преступление со всеми вытекающими отсюда последствиями. Криминалистика сосредоточилась на познании материальных следов преступления, на собирании, оценке и использовании доказательств, на познании процесса доказывания. Как следующая этапная, системообразующая тенденция она сохраняла свое научно-познавательное и практическое значение в течение длительного периода времени и без всяких условностей и оговорок внесла весомый вклад в укрепление научного статуса криминалистики, в развитие научно-криминалистического знания о расследовании преступлений, укрепила ее позиции в уголовном судопроизводстве [2–4]. Такое положение дел фактически сохранялось до 1986 г., до введения Р.С. Белкиным в определение предмета криминалистики понятия «механизм преступления». Р.С. Белкин, мотивируя свою позицию, писал: «Преступление как элемент, часть предмета криминалистической науки считается той областью объективной действительности, познание которой является фундаментом для всей системы криминалистики. Можно без преувеличения сказать, что изучение преступления, способов его совершения и сокрытия, обстоятельств, благоприятствующих или препятствующих его совершению, было тем необходимым условием, которое сделало возможным разработку средств и методов борьбы с преступностью» [5. С. 59–60].

Так, благодаря Р.С. Белкину криминалистика вернулась к своим гносеологическим корням, преступление вновь и по праву заняло свое исходное место в предмете науки криминалистики.

Преступление есть исходное начало для уголовно-правовых наук, в том числе и для криминалистики. Как таковая криминалистика является системой специфических научных знаний о преступлении, предпосылках и условиях адекватного обеспечения криминалистическими знаниями уголовного судопроизводства. Криминалистика как элемент системы наук о преступлении *закрывает* на себя различные формы, структуры интеллектуальной ментальности и научного знания о преступлении во всевозможных ракурсах и опосредованиях. Преступление – понятие не только специальной науки, а понятие принципиально междисциплинарное, выражающее содержание всего социально-правового опыта.

Уголовное право оценивает и квалифицирует неотчуждаемые от индивида акты, действия, поступки, процессы, состояния с позиции уголовно-правовых отношений.

Уголовно-процессуальное право устанавливает общие правила расследования, предписывает порядок собирания, фиксации и исследования информации о преступлении.

Криминология познает причины и условия совершения преступлений, существования преступности, ее предупреждение.

Юридическая психология исследует психологические процессы, состояния и свойства субъекта, способности самовоспроизводства, саморегуляции, самоориентации, осуществляемых на предмет соответствия-несоответствия поведения установленной нормативно-правовой модели, концептуализируя эту реальность в индивидуально-личностных определениях.

Названные науки узки экстенсивно и интенсивно. Сквозные особенностями своих предметных оснований, они так или иначе заняты рефлексией частной проблематики. Опуская нюансы, акцентируем лишь один принципиальный аспект. По мнению большинства процессуалистов, на сегодняшний день уголовно-процессуальное законодательство безразлично относится к характеристике личности участников уголовного процесса [6. С. 54]. Недооценка необходимости знания личности в формальном праве есть следствие абсолютизации нормативизма, формализации, доминирования функционального подхода. В результате из уголовно-процессуального законодательства вытесняются человечность, личность, духовность. По этому поводу уместно привести слова Гегеля. Раскрывая природу неотчуждаемых прав человека, он писал: «Неотчуждаемы те блага, которые не столько являются моим владением или собственностью, сколько образуют мою собственную личность, иначе говоря, содержатся в моей сущности, как, например, свобода воли, нравственность, религия и т.д. Отчуждаемы только внешние уже по своей природе блага; личность, например, я не могу считать чем-то внешним для меня, ибо отказаться от своей личности – значит превратить себя в вещь» [7. С. 42]. Интеллектуальная ментальность, поддерживаемая и укрепляемая расчетливым логицизмом, инспирирует бесконечную череду негативных явлений социально-правового характера: недоверие к праву как к таковому, неразвитое правовое чувство, отсутствие умонастроений, направленных на повышение юридической культуры и формирование в обществе прочных правовых традиций законоуважения. Итог – деформированное правосознание, правовой нигилизм. Правовой нигилизм приобрел сегодня качественно новые свойства, изменились его природа и каналы влияния. Сложилась крайне опасная социальная среда, постоянно воспроизводящая и стимулирующая антиправовые устремления субъектов [8, 9]. Интегративная роль материального и формального права в уголовном судопроизводстве является в большей степени пожеланием, нежели реальностью.

Криминалистика как наука не скована границами логицизма, юридического формализма, ее логико-гносеологическая спецификация состоит в том, что она всегда выходила и выходит за границы своего предмета, за пределы юридических фактов, каузальной связи, предусматривает широкий информационный охват. Для решения своих теоретических и практических задач криминалистика широко задействует знания и методы естественных, технических, социальных и гуманитарных наук. Криминалистика озабочена предельными по широте охвата и глубине понимания экспозициями познания.

Масштабная предметная и логико-гносеологическая спецификация криминалистики состоит в том, что она

привнесла в уголовное судопроизводство новую рациональность, иное научно-познавательное отношение к преступлению, возможность его иной, криминалистической интерпретации. С точки зрения криминалистики, преступление – это всегда *закрытая система*. *Закрытость* характеризуется тем, что, *во-первых*, преступление как системный социальный феномен содержит бесчисленное множество не только еще мало познанных и даже совсем непознанных, но и разрозненных между собой в пространстве и времени элементов, *во-вторых*, эффект *закрытости* преступления предзадан действиями субъекта преступления, преступник является «творцом» преступления. Преодолеть систему закрытости преступления возможно только методами и средствами криминалистики. Познание закономерностей возникновения закрытости, особенностей ее существования в пространстве и времени, особенностей собирания и увязывания в системно единое целое, составляет главную научно-познавательную задачу криминалистики. Познаваемые формо- и причиннообразующие закономерности закрытости, воплощающиеся в механизме преступления, и определяют предназначенность криминалистики в научном познании преступления, в уголовном судопроизводстве.

Научно-рациональная задача криминалистики – квалификация не преступления, не его внешне выраженной стороны, а его исходного начала – *механизма преступления*, т.е. той, скрытой от непосредственного видения внутренней стороны преступления, той глубинной сущности, благодаря реконструкции которой только и становится возможной последующая уголовно-правовая квалификация преступления. Познание механизма преступления криминалистикой является фундаментом эволюционной жизнеспособности уголовно-правовой и уголовно-процессуальной наук. Материальное и формальное право лишь приблизились к преступлению, оглядев его с внешней стороны и системно зафиксировав внешние, поддающиеся формализации признаки. Познание и конструирование *внешней системы преступления* есть научно-познавательный предел материального и формального права. В силу данной природной особенности ни материальное, ни формальное право не привнесли ни одной истины, ни одного метода, способного вскрыть внутреннюю, закрытую систему преступления. За исключением лишь существовавшей многие века физической пытки. Однако и этот единственный «метод», признанный абсолютно бесчеловечным, рухнул в России в 1864 г., а вместе с ним рухнула и вся система доказательств и доказывания. По оценкам современников, вся система уголовного судопроизводства оказалась более чем в критическом состоянии. Только криминалистика со своими специфическими знаниями и методами оказалась способной создать качественно иную систему доказательств и доказывания, взломать внутреннюю, закрытую, скрытую от непосредственного восприятия систему преступления.

Сейчас, когда в криминалистике происходит интенсивный рост знаний, особенно актуальны интеграционные процессы. По масштабу задействуемых знаний и глубине применения они проявляются как вопросы метатеории, стремящейся постигнуть целостность кри-

миналистики, структуру своего научного знания, изучить пути формирования онтологических и гносеологических схем, особенности конструирования концептуальных каркасов, развития понятий и теорий, в которых оно выражено. В границах указанных вопросов выявляются различия между криминалистикой, формальным и материальным правом, теоретическим и практическим знанием, масштабом охвата и глубиной решаемых общей теорией криминалистики научно-познавательных, следственно-тактических и методико-криминалистических задач, складываются представления о фундаментальности знания и, соответственно, самой криминалистики, о ее месте и роли в системе уголовно-правовых наук. В целом можно констатировать, что в настоящее время интеграционные процессы в криминалистике нарастают, являются выраженным признаком ее развития.

Сегодня как никогда необходимо формирование иного взгляда относительно целостности криминалистики, ее истолкования не столько в смысле функционирования как некоей монолитной целостности, сколько и как *транздисциплинарной* науки. Криминалистика должна по-новому открываться современному обществу, миру науки, праву, уголовному судопроизводству. Преодоление интеллектуальной инерции, формирование новой интеллектуальной ментальности, нового научно-мировоззренческого и научно-познавательного отношения к действительности, создание нового образа криминалистики, переход от текущей повседневности к фундаментальности, от прагматизма к интеллектуализации, приоритетностью развития интеллектуального инструментария по расследованию преступлений перед материальным инструментарием – таков путь преодоления криминалистикой традиционности научно-познавательного отношения. *Интеллектуализация* знаний о преступлении и расследовании преступлений – основа нового образа криминалистики, ее *интегративной* роли в Российском уголовном судопроизводстве.

Общая теория криминалистики в ее нынешнем виде не способна выступить в качестве метатеории. Сдерживающим фактором качественной трансформации является сложившийся научно-мировоззренческий и научно-познавательный базис. Криминалистическое знание, исходно выстраиваемое на идеях категорий «отражение», «деятельность», сдерживает развитие интегративной роли криминалистики в уголовном судопроизводстве. Современное философско-мировоззренческое понимание масштаба и объемности связи сознания с реальностью, признание человека как исходной ценности предполагает включение в состав метатеории не только выработанных фундаментальных внутринаучных ценностей уголовно-правовых наук, но и вненаучных ценностей общесоциального характера: задействие связей с социокультурной парадигмой, противопоставление логицизму как научному методу познания, научного творчества. В теоретико-правовых исследованиях подчеркивается, что создание устойчивой, четко работающей и эффективной правовой системы, в центре которой должен стоять человек, является предельно актуальной задачей [10. С. 186].

Метатеория – это система научно-мировоззренческих и научно-познавательных идей и принци-

пов, понятий и методов исследования, способов аргументации, сопряженных единой обобщающей целью – установление объективной истины посредством реконструкции механизма преступления. Эвристический принцип криминалистической метатеории реконструкции преступления звучит как «поиск целого через части». Движение в данном направлении инспирирует взаимодействие материалистического и идеалистического мировоззрения, признание научно-мировоззренческой и научно-познавательной равнозначности понятий «отражение», «общественные отношения» и «личностно-смысловые отношения», формальной логики и теории здравого смысла. Материалистическое и идеалистическое мировоззрение, будучи неперменными спутниками

человеческо-исторического жизнесуществования, в совокупности составляют действительный базис субъекта, человечески живой истины. Единение данных наукообразующих феноменов – не формальный акт, а необходимая предпосылка и условие создания в криминалистике метатеории действительно «человекоразмерного» характера, создания мировоззренчески новой архитектуры уголовного судопроизводства, предварительного расследования, где формо- и причиннообразующая роль отводится не «веществу» (материи, материальным следам), а субъекту. Только при таких условиях криминалистика сможет качественно преобразоваться и осуществить свою интегративную роль в современном уголовном судопроизводстве России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.
2. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Наука, 1966. 295 с.
3. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юрид. лит., 1969. 216 с.
4. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. 264 с.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987. 270 с.
6. Володина Л.М. Человек, личность, субъект права и участник уголовного судопроизводства // Ученые записки: Сб. науч. тр. юрид. фак. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2007. Вып. 5. С. 51–55.
7. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. М., 1971. Т. 2. 420 с.
8. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета // Право и жизнь. 2002. № 47 (4). С. 24–30.
9. Туманов В.А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 12–18.
10. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2007. 450 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 мая 2010 г.